

Т.В. Зонова

Вестфальская система

Сегодняшняя дискуссия замечательным образом стимулирует нас к размышлениям о будущем системы международных отношений и заставляет еще раз осмыслить некоторые, казалось бы устоявшиеся понятия. В течение десятилетий интерпретации Вестфалья продолжают оставаться основой большинства существующих посылов в отношении теории мировой политики. Об этом собственно и свидетельствуют чрезвычайно интересные мысли Д. Фельдмана, О. Барабанова и М. Лебедевой о прошлом и будущем Вестфалья)

Конечно, «Вестфальская система» в современном политическом дискурсе понятие весьма условное, политизированное и идеологизированное. Участники переговоров в Мюнстере и Оснабрюке не имели в виду создание особой системы, а лишь в духе времени перераспределяли влияние и территории между сторонами Тридцатилетней войны. Так, средневековые строители не подозревали, что они возводят готические храмы (термин «готика» появился гораздо позднее).

Как правило, в исследовательской литературе Вестфаль рассматривается как система, базирующаяся на трех столпах - государственном суверенитете, принципе правового равенства государств и принципе невмешательства во внутренние дела (О. Барабанов, раскрывая эти понятия, говорит о пяти принципах). Это весьма осовремененное осмысление 1648 г.

На мой взгляд, подобный подход несколько сужает возможности объективного прогностического анализа. С исторической точки зрения, говоря о Вестфале, вероятно следует признать, что 1648 год не является отправной точкой современной системы международных отношений. На самом деле, речь идет об одном из этапов (пусть весьма важном и судьбоносном) на пути становления этой системы.

Лично мне весьма импонирует описание исторического процесса на основе формирования моделей. Вследствие этого, я предлагаю сначала уточнить, какую **модель** международных отношений отражали договоры в Оснабрюке и Мюнстере, и затем выяснить, соответствуют ли ее параметры тем «столпам», о которых говорилось выше.

Итак, прежде всего речь идет о проблеме **суверенитета**. Как известно, в средневековой Европе регулирующие межъевропейские отношения каноническое право признавало верховную власть за римским папой и только его считало сувереном. Прочие правители (короли, герцоги, графы) выступали в роли папских вассалов. Подобную модель отношений можно изобразить в виде пирамиды, на вершине которой находится Папское государство.

С развитием процесса секуляризации сами правители стали претендовать на суверенитет в пределах своей территории и зачастую вступали в противоборство с Римом (в литературе эта ситуация определяется термином - борьба «папства и империи»). Легитимированная Ватиканом средневековая модель мироустройства – *res publica gentium cristianurum* (республика христианских народов) постепенно трансформировалась в формально ничем не ограниченную борьбу за частные интересы, территорию, ресурсы и т.д. Это вело к

восприятию отношений между правителями как анархии, впоследствии названной Гоббсом «войной всех против всех».

Возник вопрос о легитимации новой модели межгосударственных отношений. Теоретики того времени начали поиски способного заменить Ватикан **«регулятора»** взаимоотношений между светскими правителями и, как это и было принято в эпоху Возрождения, обратили свои взоры, в частности, на наследие Фукидида. Дело в том, что великому греческому историку принадлежит вывод, что начало Пелопонесской войны было спровоцировано чрезмерным усилением Афин. Напуганная этим Спарта попыталась упредить агрессию афинян и сама напала на Афины. Теоретический вывод следующий. Первостепенное условие сохранения мира – соблюдение равновесия сил.

Таким образом, в эпоху Возрождения главным, причем светским, **«регулятором»** международных отношений стали считать равновесие сил. Начиная с XV века теорию равновесия разрабатывали такие «политологи», как Гвиччардини, Макиавелли, Джентиле. Апеннинский полуостров выступил в роли идеальной «лаборатории» равновесия, в то время как итальянские синьории, герцогства, графства, республики приступили к созданию союзов, изменяющихся в зависимости от усиления или ослабления самих государств. На протяжении десятилетий и вплоть до вторжения в конце XV века французских войск итальянским правителям удавалось разрешать мирным путем возникавшие между ними споры.

Впоследствии так называемая **«итальянская модель»** становится инструментом взаимоотношений на европейском континенте и постепенно распространяется на остальной мир. Главными параметрами этой модели являются **светский суверенитет и равновесие сил** между светскими суверенными правителями. Данные параметры легли в основу и нового, развитого Гуго Гроцием, светского международного права, легитимирующего возникшую систему международных отношений.

Вестфаль окончательно завершил период религиозных войн и вновь подтвердил установленный Аугсбургским миром 1555 года вполне секулярный принцип **«cuius regio, eius religio»**, иначе говоря - подданные исповедуют религию своего правителя. Вместе с тем Вестфаль стал лишь одним из этапов развития новой модели международных отношений, основанной на светском суверенитете и равновесии сил. В дальнейшем мы видим, что последующие международные трактаты (например, Утрехтский мирный договор 1713 года и др.) неизменно содержат призыв к соблюдению равновесия сил или восстановлению нарушенного равновесия. Важно подчеркнуть, что в те времена коалиции и военные союзы формировались, прежде всего, во имя соблюдения равновесия сил или его восстановления.

Принципы невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности, конечно же, не были закреплены Вестфалем и были сформулированы гораздо позже. Более того, обоими договорами предусматривалась, что в случае нарушения их положений Франция и Швеция могут вмешаться в дела императора Священной Римской империи, а император Священной Римской империи сохраняет за собой право смещать суверенных правителей княжеств, совершивших противоправные действия.

Точно также о суверенном равенстве государств, как иногда утверждается, речь тогда не шла. Правда, еще в период согласования Вестфальских договоров королева Швеции Кристина намекнула на желательность признать равноправие стран. Однако участники мирных переговоров не разделяли этого мнения. Впоследствии, на Венском конгрессе 1814-15 гг. было юридически закреплено именно **неравенство** государств, которые были

поделены на государства «с широкой сферой интересов» и государства «с узкой сферой интересов». Кстати, по Регламенту 1815 года послами могли обмениваться лишь государства «с широкой сферой интересов». Остальные довольствовались посланниками или поверенными в делах.

На этой основе возник термин **«великая держава»**. Великими стали называть страны, победившие Наполеона. Великой державой была признана, благодаря усилиям Талейрана, и Франция. Затем к сонму великих держав присоединялись Османская империя (после Крымской войны), Королевство Италии (после объединения Италии), Германская империя (после франко-прусской войны), Соединенные Штаты Америки (после испано-американской войны), Япония (после русско-японской войны). Лига наций пыталась обсудить проблему пересмотра концепции великодержавности, но и в этом, как и многих других вопросах, она потерпела неудачу. Только после второй мировой войны Устав ООН впервые закрепил положение о **суверенном равенстве** всех государств. После чего, правда, в политический обиход вошел, хотя юридически и не был закреплен, термин **«сверхдержава»**.

В течение столетий после Вестфалия становится очевидным, что равновесие сил, воспринимаемое как автоматический «регулятор» международных отношений (такое восприятие было особенно популярно у теоретиков Просвещения), так и не смогло обеспечить мир. С особой силой критика «равновесия» зазвучала после первой мировой войны. В результате Лига Наций, а затем ООН явились еще одной попыткой создания нового **универсального** «регулятора» международной политики.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что заложенный в основу Вестфальской системы **принцип светскости суверенитета** вряд ли будет поставлен под сомнение. Однако эволюция понятия суверенитета вероятна, поскольку на суверенитет претендуют не только государства, но и, со все большей настойчивостью, другие акторы мировой политики. Вопрос: выльется ли это в нескончаемый процесс создания все новых государств (как это происходило при ослаблении и крахе империй), или будут найдены какие-либо другие формы сосуществования суверенных акторов? На мой взгляд, чрезвычайно интересными в этом плане являются процессы, происходящие в Европейском Союзе. Очень хотелось бы поразмышлять о том, сможет ли Европейский Союз стать такого же рода «лабораторией» новой модели мировой политики, какой в свое время был Апеннинский полуостров.

Будущее другого параметра Вестфальской системы - равновесия сил – также становится предметом дискуссии. Мне представляется, что сложившаяся после второй мировой войны биполярная система представляла собой последнюю стадию развития отношений, основанных на балансе сил. Как известно, эта система получила название «равновесия страха» и была основана на поддержании ядерного баланса. С крахом советского лагеря равновесие было нарушено. Целесообразно ли теперь противопоставлять возникшей де-факто однополярной системе **многополярный мир**? Не станет ли восстановление многополярной системы возвращением к опасному противостоянию военных блоков? Или же новая модель международных отношений будет характеризоваться многосторонностью, сетевой дипломатией, наличием универсальных организаций и, конечно же, соответствующим международным правом, учитывающим те изменения, которые происходят в мировой политике? Одним словом, речь идет о **«единстве в многообразии»**? По моему мнению, все эти проблемы заслуживают, особого анализа и дальнейшего обсуждения.